

К ВОПРОСУ ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ЗНАМЕННЫХ ГЕРБОВНИКОВ 1729-1730 гг.

Роль знаменных гербовников XVIII века в становлении российской городской геральдики неоспорима. Рисунки многих городских гербов, утверждённых в 1779-1781 гг., были разработаны ранее специально для помещения их на полковых знамёнах. При использовании таких изображений в качестве городских гербов, в текстах указов часто подчёркивалось, что это - "старый герб", независимо от того, когда он появился впервые - пятьдесят лет назад (что относится к подавляющему большинству таких гербов) или пять лет назад¹.

Изображения, предназначенные для использования на знамёнах, компоновались в сборники, появившиеся начиная от 10-х и вплоть до второй половины 70-х годов XVIII века². Но наибольшего внимания, безусловно, заслуживает знаменный гербовник 1729-1730 гг. - и как один из первых по времени появления, и в связи с тем, что большая часть приведённых в нём полковых эмблем спустя длительное время была оформлена в виде городских гербов³. Рассматриваемый "знаменник" был не первым собранием такого типа. А.В. Висковатов приводит⁴ описания и изображения знамён армейских полков, использовавшихся в 1712-1727 гг., однако к настоящему времени источник их остаётся необнаруженным. Н.А. Соболева высказывает лишь предположение о том, что "по-видимому, они были объединены в одну тетрадь (книгу), которую пользовались преемники первых рисовальщиков гербов"⁵.

В отличие от этого собрания, знаменный гербовник 1730 г. (по-видимому, только в его более поздних копиях) дошёл до нашего времени⁶, и возможность изучения его, в принципе, существует. К сожалению, эта область на стыке геральдики и истории российской армии не привлекла внимания исследователей ни до, ни после революции. А.В. Висковатов, в многотомном труде которого приводятся эмблемы практически из всех знаменных сборников, не ставил перед собой задачу исследования времени появления и истории каждой эмблемы.

Что касается более поздних исследований, то имеется лишь глухое упоминание о разработке темы "История гербов на полковых знамёнах" в 30-х гг. прошлого века сотрудниками Гербового музея под руководством В.К. Лукомского⁷. Вместе с тем, знакомясь с историей городской геральдики, невозможно обойти стороной "знаменник" 1729-1730 гг.

Но можно ли считать городские гербы, приведённые в нём, официально утверждёнными? Дореволюционные историки отвечали утвердительно. Но если А.Б. Лакиер и П.П. Винклер относили "высочайшее" утверждение ко времени Петра II (в 1729 г.), то В.К. Лукомский полагал, что утвержде-

ние состоялось при Анне Иоанновне (в 1730 г.). Исследователи советского периода не заостряли внимания на этом⁸.

Появление знаменного гербовника 1729-1730 гг. обусловлено следующими обстоятельствами.

Одной из значительных реформ Петра I было введение регулярной армии. Для покрытия расходов на её содержание воинские части и гарнизоны были распределены по городам и губерниям империи. Первоначально предполагалось, что в эти места части должны были прибыть для постоянной дислокации после окончания военных действий. По существу, города и губернии должны были выделять средства для содержания различных полков и гарнизонов.

Время показало, что идея финансирования отдельного армейского соединения из доходов конкретного населённого пункта или региона оказалась нежизнеспособной, т.к. выделение средств воинским частям удобнее осуществлять централизованно. Но традиция называть полки по именам городов появилась именно при Петре I. Одновременно значительная часть полков именовалась, в соответствии со сложившейся традицией, по старому - и по фамилиям командиров (например, "Лефортовский", "Ренцеля", "Инглисов"), и по принадлежности ("Цитадельский", "Обер-комендантский"). Такие полки также было удобнее переименовать в "городовые". По мере появления новых названий (по городам) возникала необходимость разработки новых (городских) эмблем на знамёнах соответствующих полков.

Эту мысль Пётр I выразил, в частности, в "Высочайшей резолюции" от 11 ноября 1724 г. на доклад Военной коллегии, где в ответ на узкий конкретный вопрос: "В драгунском Кронштатдском полку, который учинен в 1721 г., знаменам под каким гербом быть?" наложил резолюцию в более общем виде: "Где есть гербы, оные иметь; а где нет, новые надлежит учинить гербы"⁹. Городские гербы нужны были и при проведении судебной реформы. В связи с этим тремя месяцами раньше (10 августа) вышел Сенатский указ, в соответствии с которым "по требованию Юстиц-Коллегии и Полицеймейстерской Канцелярии" следовало "во всех судебных местах сделать печати, а именно: в Губерниях и провинциях и городах, которые имеют герб, на тех [печатах - В.П.] вырезать тех городов гербы, а которым нет, то нарисовать приличные вновь в Герольдмейстерской Конторе"¹⁰.

Распоряжения о разработке городских гербов, содержащиеся в "резолюциях" и указе, при Петре I остались невыполненными, видимо, в связи со скоро последовавшей смертью преобразователя. Во время правления Екатерины I, в порядке продолжения петровских реформ в армии, 16 февраля 1727 г. произошло первое массовое переименование штатных полков по именованию тех провинций и городов, из доходов которых они содержались и куда должны были в будущем прибыть на "вечные" квартиры¹¹.

В результате проведения этого указа, например, "Вице-губернаторский" полк стал "2-м Галицким", "Питершанский" - "3-м Устюжским" и т.д. И снова был поднят вопрос о разработке новых знамён для воинских частей. Однако смерть императрицы опять помешала претворению в жизнь указа 1724 г. В начале правления Петра II "вечные" квартиры войскам были отменены, и полкам были возвращены старые названия по городам (существовавшие до 16 февраля 1727 г.); одновременно было решено окончательно отказаться от названий полков по фамилиям командиров и по принадлежности (тогда, в частности, "Генерал-Губернаторский" полк стал "Лифляндским", а "Вице-Губернаторский" - "Эзельским" и т.п.).

Это решение было оформлено именным указом от 6 ноября 1727 г., которым объявлялось: "как полевые, так и гарнизонные и ландмилицкие полки, кои по ныне состояли под именами полковников, писать по городам"¹². В связи с поголовным переходом полков на "городовые" названия с новой силой встал вопрос о создании эмблем для знамён. В "доношении" Военной коллегии (на основании которого был принят этот указ 1727 г.) констатировалось невыполнение распоряжений Петра I 1724 г. относительно разработки городских гербов.

От имени императора (Петра II) Верховный тайный совет в указе 1727 г. помимо переименования частей, в частности, предписывал: "а которых городов, как у прежних, так и вновь именованных полков гербов не было, те учинить вновь Герольдмейстеру и для апробации объявить в Нашем Верховном Тайном Совете, а как апробованы будут, тогда сделать печати, которыми губернаторам и воеводам все отписки, доношения и прочие отправляемые письма, кроме партикулярных, печатать" (там же).

Иначе говоря, предполагалось разработать городские гербы, которые следовало поместить не только на полковые знамёна, но и на гербовые печати для использования в официальном делопроизводстве. Таким образом, городским гербам снова придавалось важное значение в жизни государства. Но проводился ли этот указ в жизнь? Не постигла ли его участь предшествующих постановлений 1724 г.? Похоже, что на этот раз дело сдвинулось с мёртвой точки. Во всяком случае, менее, чем через год (7 июня 1728 г.) именным указом Верховному тайному совету Пётр II "указал: в полках знамёнам быть с Российским Государственным гербом и с городскими, по которым полки званиями стоят, и те гербы малевать, а не вышивать".

Следует отметить, что в этом указе едва ли не впервые идёт речь о "Гербовнике", "конфирмация" которого (судя по тексту) ожидалась в самое ближайшее время¹³. Обращает на себя внимание и такая техническая подробность, как указание на то, что гербы на знамёнах следует рисовать ("малевать"), а не вышивать. Всё это производит впечатление того, что дело составления полковых гербов стало продвигаться вперёд.

Почему же указ 1727 г. оказался более действенным, чем "резолуции" и другие постановления 1724 г.? Объясняется это, вероятно, следующим образом. Нельзя забывать, что "именные" указы и повеления во времена Петра II, хотя и писались от его имени, но безусловно не по его инициативе - в начале его правления ему не было и 12 лет; да и позже он интересовался чем угодно, но только не государственными делами.

Инициатором указов, касавшихся военных дел, была Военная коллегия; а, в частности, указов 1727 и 1728 гг. - скорее всего, "обер-директор над фортификациями всей России, губернатор Ингерманландии, Карелии и Финляндии, генерал граф Миних", т.к. именно по его инициативе в июле этого же года (1728) Военная коллегия передала имеющиеся у неё геральдические материалы в Канцелярию инженерного правления, где под его руководством и осуществлялось составление знаменного гербовника¹⁴ (который поэтому назывался иногда "гербовником Миниха").

Видимо, указ 1727 г. потому ускорил подготовку этих геральдических материалов¹⁵, что знаменный гербовник был нужен более всего именно Военной коллегии, которая и пеклась о его создании. В связи с этим следует обратить внимание на следующее обстоятельство. В "доношении" Военной коллегии, по которому был принят указ 6 ноября 1727 г., ничего не говорится о печатях с городскими гербами, предназначенными для официального делопроизводства, и это понятно - Военной коллегии такие печати были не нужны. Верховный тайный совет ввёл в этот указ пассаж о печатях потому, что он (Совет) обязан был думать не только о военной реформе, но и о других государственных делах, в частности, о судопроизводстве.

Однако Юстиц-Коллегия не проявляла в деле создания городских гербов такой же настойчивости как Военная коллегия; и это также объяснимо: если эмблемы для знамён были насущно необходимы (каждая часть должна иметь своё знамя, количество полков постоянно увеличивалось и приходилось "сочинять" всё новые эмблемы), то в гербовых печатях острой необходимости не было, поскольку в делопроизводстве успешно использовались воеводские печати (только "Грамотой на права и выгоды городам" 1785 г. было введено обязательное использование печатей с городским гербом). В результате, военное ведомство оказалось единственной государственной структурой, заинтересованной в разработке городских гербов.

Опираясь на архивные данные, Н.А. Соболева пишет, что Б. Миних дважды представлял нарисованные гербы в Военную коллегия - 28 января и 2 июня 1729 г., предполагая при этом, что некоторые гербы пришлось переделывать¹⁶. А.Б. Лакиер о повторном предоставлении рисунков, видимо, не знал. Говоря об истории появления городских гербов для знамён, этот исследователь писал (а вслед за ним это буквально повторил и П.П. Винклер): "В мае 1729 г. гербы эти были уже представлены Минихом в Военную коллегия, удостоились высочайшего утверждения..."¹⁷.

И далее: "В 1730 году марта 8 дня дан указ Правительствующим Сенатом Военной Коллегии о том, что гербы эти ... утверждены и по ним следует изготовить для полков знамёна, а для губернаторов печати"¹⁸.

Из изложения у А.Б. Лакиера следует, что сначала городские гербы были утверждены Петром II (в мае 1729 г. или позже), а затем, почти через год (8 марта 1730 г.), т.е. при Анне Иоанновне, последовал указ из Сената в Военную коллегию об изготовлении знамён. Однако, в "доношении" императору от 15 октября 1729 г. Военная коллегия всё ещё "всеподданнейше требовала" "высокоповелительного указа" о "конфирмации" этих гербов и о "строении знамён" с их использованием¹⁹.

Видимо, члены этой Коллегии действительно были возмущены нежеланием императора вникать в государственные (в том числе, военные) проблемы, если они хоть и "всеподданнейше", но "требовали" этого. Свою настойчивость они объясняли тем, что "от того 727 года, как о собрании гербовника указ состоялся, прошло время не малое, а полкам в знамёнах имеется нужда" (там же). Но и после этого напоминания у Петра II "не дошли руки" до проблемы гербов и знамён (как можно "требовать" у императора?), т.к. это же самое "доношение" было позднее представлено Анне Иоанновне. В протоколе Верховного тайного совета от 25 февраля (по новому стилю - 8 марта) 1730 г. отмечено: "По вышеописанному доношению, Её Императорское Величество указала: во всех полках знамёна строить по силе состоявшегося указа в Верховном Тайном Совете прошлого 1728 года июня 7 дня по городам и по учинённым в Военной Коллегии гербам, и о том в Военную Коллегию послать указ" (там же).

Из текста протокола ясно следует, что императрица отдала распоряжение (по всей видимости, устное) о создании именно полковых знамён во исполнение июньского указа 1728 г. (скорее всего, она просто согласилась с требованием Верховного совета, т.к. только что стала императрицей и ещё "не вошла во власть"). Об утверждении гербов с целью дальнейшего изготовления городских гербовых печатей для официальной переписки, как это предполагалось указом от 6 ноября 1727 г., речь здесь не идёт (опять-таки потому, что Военной коллегии эти печати были не нужны). Тот факт, что до исполнения указа 1727 г. в отношении гербовых печатей дело не дошло, отмечала и Н.А. Соболева²⁰.

Тем не менее, более, чем полувеком позже В.К. Лукомский полагал, что гербы, подготовленные Б. Минихом, "удостоились в 1730 г. Высочайшего утверждения"²¹, но ссылался при этом на "протоколы Верховного тайного совета за 1730 г.", хотя, как мы только что видели, из приведённого документа такой вывод отнюдь не следует. В другой работе того же времени (1911 г.) В.К. Лукомский (также со ссылкой на эти "протоколы") пишет более осторожно: "25 февраля 1730 года утверждены были представленные фельдмаршалом графом Минихом чрез Военную Коллегию, рисунки Государственного и городских гербов на знамёна полков"²².

В обеих работах автор указывает, что "подлинные рисунки гербов ... найдены в "Гербовнике" Московского отделения Общего архива Главного штаба и воспроизведены были в "Историческом описании одежды и вооружения Российских войск" (т.е. в работе А.В. Висковатова). Какую же позицию занимал историк армии в вопросе об утверждении городских гербов для полковых знамён? Более, чем за десять лет до выхода "Русской геральдики" А.Б. Лакиера (в 1855 г.), А.В. Висковатов, по-видимому, первым (в 1842 г.) ввёл в научный оборот "знаменник" 1730 г. под названием "гербовника Миниха"; во всяком случае, мне не удалось найти в публикациях более раннего упоминания об этом гербовнике.

А.В. Висковатов пишет: "в самом начале царствования императрицы Анны Иоанновны Сенат указом 8 марта 1730 г. утвердил представленные генералом графом Минихом следующие гербы для полевых, гарнизонных и ландмилицких войск"²³ и далее приводит описания этих гербов. В таком изложении имеется неточность: официальные сенатские указы регистрировались в Полном собрании законов, но данный указ отсутствует в ПСЗ. Однако, главное, - здесь и речи нет о "высочайшем" утверждении; кроме того, из контекста ясно видно, что имеются в виду не территориальные (городские и областные) гербы, а эмблемы для знамён, что, в принципе, не одно и то же.

Следует отметить, что В.К. Лукомский, обсуждая историю появления городских гербов на знамёнах, говорит: "Лакиер даёт их подробное перечисление, и в Департаменте Герольдии хранится рисованный в царствование Анны Иоанновны сборник копий с них"²⁴, а в примечании (№ 30) к этой фразе можно прочесть о воспроизведении этих гербов в "Историческом описании одежды и вооружения Российских войск" (см. цитату, приведённую выше).

Такая форма изложения создаёт впечатление, что речь идёт об одном и том же сборнике знаменных эмблем, представленном сначала у А.Б. Лакиера, затем в "Гербовнике", хранившемся в Герольдии и, наконец, у А.В. Висковатова в "Историческом описании ...". Однако сопоставление перечисленных источников показывает, что это не совсем так. Конечно, и в публикациях, и в архивном материале говорится об одних и тех же гербах. Но описания их в работах А.Б. Лакиера и А.В. Висковатова даны в отличающихся редакциях; причём не всегда эти описания совпадают по существу, а иногда и просто противоречат друг другу. Так, при описании герба Санкт-Петербургского у А.Б. Лакиера в числе прочих фигур на поле упомянута "вверху корона императорская". Может быть, имелась в виду корона, венчающая фигурный щит? Но подобная корона не упомянута при описании других гербов, имеющих её (московского, киевского, владимирского и др.)²⁵. У А.В. Висковатова короны не упомянуты нигде. При описании полкового герба Лейб-регимента А.Б. Лакиер говорит о короне, расположенной под лавровым венком (там же, пункт 3).

У А.В. Висковатова в описании и на рисунке корона расположена *над* венком²⁶ (вероятно, это ошибка или описка А.Б. Лакиера - императорская корона вряд ли может находиться под венком). Имеются у этих авторов и различия в цветовом исполнении. У А.Б. Лакиера якоря в санкт-петербургском гербе - серебряные; у А.В. Висковатова - "железные", т.е. чёрные. Эзельский орёл у первого - жёлтый²⁷ (кстати, такого же цвета, что и в "Гербовнике", хранившемся в Герольдии, в настоящее время - в РГИА²⁸), у второго - белый²⁹. Поле ябургского герба у первого - зелёное, у второго - голубое³⁰. В свою очередь, в архивном "Гербовнике" уточнено цветовое исполнение многих деталей, чего нельзя найти в обеих публикациях (например, в гербах лифляндском, рижском и др.). Не требует объяснения и различие в "вензеловых именах": в 1729 г. это было "имя" Петра I, в 1730 г. - Анны Иоанновны.

Изложенное приводит к выводу о существовании если не двух "знаменников", то, по крайней мере, двух редакций (причём, заметно различающихся редакций) "знаменного гербовника" - 1729 г. и 1730 г. Первая из них представлена у А.Б. Лакиера, вторая - у А.В. Висковатова. Гербовые изображения в архивной копии⁶ ближе к приведённым у последнего (но не во всём идентичны). На основании архивных данных Н.А. Соболева также считает, что в эти годы было несколько подлинных гербовников³¹. Но говоря о редакциях 1729 и 1730 гг., она называет их более осторожно - списками или копиями³². Однако, как мы видели, различия в них слишком велики, чтобы давать им такое определение.

В любом случае необходимо признать, что ни при Петре II, как считал А.Б. Лакиер, ни при Анне Иоанновне, как полагал В.К. Лукомский, городские гербы, как таковые, не были утверждены "высочайше" (а в любом другом случае это не было бы актом утверждения). Возможно, авторы рассмотренных выше работ переносили реалии второй половины XIX - начала XX вв (когда все городские гербы проходили процедуру "высочайшего" утверждения) на первую треть XVIII века, когда геральдика вообще являлась "делом нового основания", а городская геральдика была просто не востребована. В течение большей части XVIII в. именно "полкам в знамёнах имела нужда", а не городам в гербах или судам в гербовых печатях. Поэтому и появляются в недрах военного ведомства вплоть до 1776 г. многочисленные гербовые изображения, разработанные специально для знамён. Для размещения этих эмблем на знамёнах соответствующих частей отнюдь не требовалось "высочайшего" утверждения гербов. Соответственно, появление определённой эмблемы на знамени полка, названного по имени города, ни коим образом не означало, что городу "пожалован" герб, который можно использовать, например, на городских печатях³³. И только в ходе осуществления реформ 1775-85 гг., когда городской герб стал обязательным для каждого города³⁴, когда герб стал символизировать именно город, а не полк, расквартированный в нём, - тогда началась массовая разработка городских гербов, подлежащих "высочайшему" утверждению в обязательном порядке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н.А. Соболева приводит различные мнения о том, какой герб считать "старым", или иначе - когда герб должен был появиться, чтобы его можно было назвать "старым" (см.: Соболева, Артамонов, с. 66-67). Однако сопоставление текстов указов об утверждении городских гербов со временем первого появления рисунков этих гербов приводит нас к выводу о том, что под термином "старый герб" в данном случае подразумевается герб ранее употреблявшийся или, может быть, не употреблявшийся, но известный (например, разработанный Ф. Санти), независимо от времени его появления. В качестве наиболее характерного примера можно привести гербы ахтырский, изюмский, острогожский, сумской и харьковский, впервые появившиеся в 1776 г. на знаменах соответствующих полевых гусарских полков (см.: Висковатов-1, ч. 4, с. 14-15 и рис. 638), и названные при их утверждении в качестве городских в 1781 г. "старыми гербами" (см.: ПСЗ-1, т. XXI, № 15237 и № 15236). Вместе с тем, оренбургский герб, появившийся одновременно с перечисленными пятью гербами, в ПСЗ не назван "старым гербом". В другой работе Н.А. Соболева, анализируя случаи появления термина "старый герб" в Полном собрании законов, приводит примеры использования этого определения для гербов, изображения которых она не нашла в более ранних знаменных гербовниках - гербы Олекминска, Шадринска, Елатьмы (см.: Соболева-1, с. 105 и 209). Тут же можно найти примеры противоположного характера, т.е. когда утверждаемый герб не отмечен как "старый", хотя идентичная полковая эмблема была известна; Н.А. Соболева насчитывает 13 таких гербов (там же, с. 209-219 или таблица 3). Однако, количество таких примеров можно неизмеримо увеличить, если учесть, что из гербов всех городов, находившихся ранее на шведской и прибалтийской территории, только 12 названы "старыми", а остальные так не отмечены. Что касается первых примеров (гербы Олекминска и др.), то, возможно, это действительно ошибка, вкравшаяся в соответствующие указы. Но не исключено, что перечисленные гербы были разработаны в каком-либо ведомстве в единственном числе, т.е. не в составе целого ряда знаменных эмблем (как это было, например, с гербами Бахмута, Ставрополя, Чугуева), но затем не попали на знамена; может быть они где-нибудь использовались ранее.

2. А.В. Висковатов упоминает, например, "Собрание рисунков полковых гербов 1776 г. в Архиве Министерства иностранных дел в С.-Петербурге" (см.: Висковатов-1, ч. 4, примечание к с. 67), или "Рисунки гусарских полковых гербов 1776 г.", хранящиеся там же (см.: Висковатов-1, ч. 5, примечание к с. 16). Приведённые в обоих сборниках эмблемы взяты из "Гербовника" М.М. Щербатова, составленного по распоряжению Военной коллегии в 1775 г. (см.: Соболева-1, с. 101).

3. Для сравнения интересно привести следующие цифры. Из 18 эмблем с российской топонимикой, впервые появившихся в "знаменнике" 1712-1727 гг. (т.е. за исключением перешедших в него из "Титулярника" 1672 г.) впоследствии в качестве городских гербов было утверждено 9 эмблем (или 50%). Из 41-й эмблемы с российской топонимикой, впервые появившихся в "знаменнике" 1729-1730 гг. (исключая гербы городов Прибалтийской территории) впоследствии в качестве городских гербов было утверждено 29 эмблем (или ~71%). Из 35 эмблем, представленных в "Гербовнике" М.М. Щербатова, 21 имеет городскую топонимику и 18 из них появляются впервые (ревельский, полтавский и свияжский гербы использовались на знаменах раньше, а тульская эмблема была разработана Ф. Санти, но на знамена не помещалась); из этих эмблем впоследствии семь были утверждены в качестве городских гербов (или 39%).

4. Висковатов-1, ч. 2, с. 58-62 и рис. 224-230.

5. Н.А. Соболева пишет, что видела отдельные листы с изображениями таких гербов (см.: Соболева-2, с. 114-117). В другой работе эта исследовательница говорит о "специально знаменном гербовнике 1712г", но приводя однако ссылки (см.: Соболева, Артамонов, с. 69). Сам А.В. Висковатов говорит об источниках изображений знамен 1712-1727 гг. следующее: "Рисунки всем сим знаменам имеются в Московском Отделении Архива Инспекторского Департамента Военного Министерства; а некоторые подлинные знамена хранятся в Арсеналах: Санкт-Петербургском и Московском" (см.: Висковатов-1, ч. 2, примеч. 84, с. 19). Следует учитывать, что это замечание относится к началу 40-х годов XIX века.

6. В частности, одна из копий с этого "знаменника" является частью собрания, хранящегося в Российском Государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге (см.: РГИА-1). Это собрание (переплетенное в одном томе) называется "Гербовник знамен Российской империи 1730-1778 гг.". Оно содержит "реестр" (перечисление изображений с кратким описанием) и сборник предназначенных для знамен гербовых изображений, в том числе и скопированных из "знаменника" 1730г. Эти гербы представлены в овальных щитах, украшенных картушами (украшения в виде завитков, характерные для XVII - XVIII веков). Судя по некоторым заметкам на первых листах, начало составления "Гербовника" относится к концу 40-х - началу 50-х годов XVIII века. Эта часть рисунков заканчивается листом № 48, внизу которого помечено, что его рисовал "полевой артиллерии сержант Александр Чир(ь)ков". Впоследствии этот "Гербовник" дополнялся новыми рисунками с изображениями самих знамен (а не только гербовых эмблем для них) более позднего времени (до 1778 г.). Опираясь на архивные данные, Н.А. Соболева пишет, что "в июне 1745 г. из Военной коллегии [в Герольдмейстерскую контору - В.П.] после неоднократных напоминаний был прислан для копирования знаменный гербовник. Гербовник перерисовывался несколько лет и был окончен в 1751г" (см.: Соболева-1, с. 83). Похоже, что речь здесь идёт о "Гербовнике", хранящемся в петербургском архиве. В московских архивах также, видимо, хранится одна из копий этого "знаменника", которую использовал А.В. Висковатов при создании своего труда. Он называет её следующим образом: "Книга рисунком полковых и знаменных гербов с 1730 по 1778 г., хранящаяся при Комиссариатском Департаменте Военного Министерства и Московского отделения Архива Инспекторского Департамента Военного Министерства" (например, см.: Висковатов-1, ч. 3, примечание к с. 63).

В Санкт-петербургском архиве имеется также материал, носящий название "Собрание рисунков городских гербов. 2-я половина XVIII века" (см.: РГИА-2). В этом материале, представляющем разрозненные (не сшитые, но пронумерованные) листы, приведены без описания и комментарий рисунки гербов, различных как по оформлению, так и по времени появления. Первые гербы (до № 14) оформлены внешне и выглядят по существу аналогично "знаменнику" 1730г. Далее без всякой системы, вперемежку следуют гербы как известные со времени этого "знаменника", но с некоторыми отличиями от него и представленные на французских, а не в фигурах с картушами щитах, так и гербы, появившиеся значительно позднее (до 1790 г.).

7. Суханова, с. 24. Неизвестно, сохранилось ли это исследование.

8. Так, Н.А. Соболева, не вступая в дискуссию об утверждении или не утверждении этих гербов, ограничилась двумя фразами: "Из Военной коллегии в октябре 1729 г. гербовник поступил на рассмотрение Верховного тайного совета. В начале 1730 г. Военной коллегии было отдано распоряжение изготовить полковые знамена

с гербами, рисунки которых исполнены по её заказу" (см.: Соболева-1, с. 58-59). Н.Н. Сперансов обошёл молчанием существование знаменных гербовников XVIII века (см.: Сперансов).

9. ПСЗ-1, т. VII, № 4589, пункт 3. В резолюции на четвёртый пункт, содержащий ряд вопросов относительно полка Лейб-регимента, в том числе и о его знаменном гербе, Пётр также ответил: "Сочинить драгунским [полкам - В.П.] и в их числе Лейб-регименту герб " (Лейб-регимент был сформирован из военнслужащих драгунских полков).

10. Там же, № 4552. Для выполнения этого указа предписывалось: "всей Российской империи прежним гербам рисунки взять в ту Герольдмейстерскую Кантору из Иностранной Коллегии", из чего можно сделать вывод, что в Герольдмейстерской канторе не было даже известных ранее ("прежних") титульных гербов.

11. Висковатов-1, ч.2, с. 73. Подробно переименование частей А.В. Висковатов описывает в многотомном труде, посвящённом истории российской армии; о примерах изменений, приведённых ниже см. Висковатов-2. Т. VII, с. 159-160.

12. ПСЗ-1, т. VII, № 5196. Н.А. Соболева считает, что одновременно с отменой "вечных" квартир войскам "полки получили свои прежние названия по именам командиров" (см.: Соболева-1, с. 56) и этому распоряжению, ссылок на которое она не даёт, противопоставляет якобы последующий указ от 6 ноября 1727 г. (№ 5196). Указа или какого-либо постановления о переименовании полков "по именам командиров" в начале царствования Петра II я не нашёл. Видимо, его и не было. В соответствующем месте А.В. Висковатов пишет: "Первым действием императора Петра II по устройству военной части было отменение войскам непрменных квартир, а в следствии того и возвращение им названий которые они носили до 16 февраля 1727г" (см.: Висковатов-1, ч. 2, с. 86). Этот указ (№ 5196) появился по инициативе Военной коллегии, и её решение представляется вполне логичным: существование "вечных квартир" для воинских частей вряд ли является целесообразным (тем более, что не только при Петре I, но и в течение всего XVIII века наблюдается постоянная передислокация полков), но возврат к "названиям по именам командиров" был уже анахронизмом и обуславливал большие трудности при разработке эмблем для полковых знамен.

13. ПСЗ-1, т. VIII, № 5280. В этом указе, в частности, говорится: "а в полках же, не имеющих городских гербов, до конфирмации Гербовника, быть старым знаменам"; и далее: "а впредь по конфирмации Гербовника те знамена строить по городам же".

14. Соболева-1, с. 57.

15. Анализ геральдических материалов, переданных из Геральдической канторы в Военную коллегию, а затем в Кантору инженерного правления, проведён Н.А. Соболевой (там же, с. 58).

16. Там же, с. 60.

17. Лакиер, с. 183. У П.П. Винклера читаем: "В мае 1729 года, гербы эти были уже представлены Минихом в Военную Коллегию и удостоились Высочайшего утверждения" (см.: Винклер, с. X).

18. Лакиер, с. 189; Винклер, с. XVI.

19. Протоколы, с. 528-529.

20. Соболева-1, с. 56.

21. Говоря о живописце Андрее Баранове, В.К. Лукомский пишет: "Изготовленные им гербы, числом 88, удостоились в 1730 г. Высочайшего утверждения. Лакиер даёт их подробное перечисление ..." (см.: Лукомский-1, с. 11).

22. Лукомский-2, с. 7. Но в более поздней работе (1915 г.) историк-геральдист опять уверенно писал: "Гербы эти, рисованные по два на страницу (кроме государственного и последнего), в виде овальных щитов в золотых картушах, утверждены были императрицею Анною Иоанновною в 1730 году и составляют ценнейший сборник местных гербов". При этом автор за "подробностями" отсылал к работе А. Лакиера "Русская геральдика" (см.: Лукомский, Типольт, с. 4). Обратим внимание на то, что В.К. Лукомский считал гербы, представленные в этом сборнике, "местными", т.е. городскими.

23. Первое издание второй части труда А.В. Висковатова вышло в 1842 г. Во втором издании этой части см. с. 105.

24. Лукомский-1, с. 11. Однако вызывает сомнения, что "Гербовник", хранящийся в санкт-петербургском архиве скопирован во времена Анны Иоанновны (см. примечание 6).

25. Лакиер, с. 184, пункты 4, 6, 7, 8.

26. Висковатов, с. 106 и рис. 250.

27. Лакиер, с. 188, пункт 72.

28. РГИА-1, л. 40, № 72; в описании (в "реестре") также уточняется: "Орел желтый, поле лазоревое, лапы расставлены". Подобное изображение можно видеть и в РГИА-2, л. 36.

29. Висковатов, с. 114.

30. Лакиер, с. 188, пункт 77 и Висковатов, с. 114.

31. Соболева-1, с. 57.

32. Соболева, Артамонов, с. 49.

33. Определение, например, "вологодский герб" в соответствии с традициями лексики XVIII века действительно могло относиться в равной мере и к гербу города Вологды, и к гербу на знамени Вологодского пехотного полка. Однако, отсутствие в те времена тождественности понятий "городской герб" и "герб на знамени городского полка" видно, в частности, из того, что первые "высочайше" утверждённые городские гербы (Костромы в 1767 г.; Вышнего Волочка, Валдая, Боровичей, Осташкова - все в 1772 г. и др.) никогда не помещались на полковых знаменах и не разрабатывались для них. С другой стороны, гербы, появившиеся позже, в 1776 г., на знаменах ахтырского, изюмского и других полков, стали гербами соответствующих городов только в 1781 г.

34. С 1778 по 1785 г. были "высочайше" утверждены городские гербы для 32-х наместничеств и губерний. После приобретения столь богатой практики массового утверждения городских гербов (и соответственно, их разработки) "Грамота на права и выгоды городам Российской империи" от 21 апреля 1785 г. законодательно закрепляла: "Городу иметь герб, утверждённый рукою Императорского Величества, и оный герб употреблять во всех городских делах" (см.: ПСЗ-1, т. XXII, № 16188, п. 28). Имелось в виду использование городского герба (точнее, печати) в первую очередь в делопроизводстве в магистратах и судах. Любопытно, что пункт о гербе полностью аналогичен первому пункту главы "А. Городовое положение": "Город строить по утверждённому плану за подписанием руки Императорского Величества". В примечании к пункту о гербе (последнему в этой главе), а может быть, и к самой этой главе указывалось: "В жалованных грамотах включается в сем месте настоящий герб того города красками изображённый, а внизу описание герба".

ЛИТЕРАТУРА

Винклер П.П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. М., 1990 (воспроизведение издания: СПб., 1900).

Висковатов-1 - [Висковатов А.В.] Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Части 1 - 5, СПб., 1899 (второе издание).

Висковатов-2 - Висковатов А.В. Хроника Российской императорской армии. СПб., 1852. Т. VII.

Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990 (воспроизведение издания: СПб., 1855).

Лукомский-1 - Лукомский В.К. О геральдическом художестве в России. СПб., 1911 (отдельный оттиск из журнала "Старые годы" за февраль 1911).

Лукомский-2 - Лукомский В.К. Хранение гербов государственных и императорского дома. СПб, 1912 (отдельный оттиск из "Истории Правительствующего Сената за 200 лет". СПб., 1911, т. 4).

Лукомский В.К., Типольт Н.А. Русская геральдика. Руководство к составлению и описанию гербов. Петроград, 1915.

Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета 1726-1730 гг. // Сборник РИО, т. 69, с. 1889.

ПСЗ-1 - Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.

РГИА - Российский Государственный исторический архив, С.-Петербург (ранее - ЦГИА, Ленинград).

РГИА-1 - Фонд 1411, опись 1, дело 1.

РГИА-2 - Фонд 1411, опись 1, дело 2.

Соболева-1 - Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII - XIX вв. М., 1981.

Соболева-2 - Соболева Н.А. и др. Гербы городов России. М., 1998.

Соболева Н.А., Артамонов В.А. Символы России. М., 1993.

Сперансов Н.Н. Земельные гербы России XII - XIX веков. М., 1974.

Суханова О.П. Материалы Гербового музея (обзор) // Геральдика. Материалы и исследования. Сборник научных трудов. Л., 1987.